

УДК 81'42

**КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РУССКИХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ****THE CONCEPT «JOY» IN THE CULTURE OF RUSSIAN LANGUAGE
AND ITS REPRESENTATION IN RUSSIAN PROSE TEXTS****Е.Г. Озерова, М.Ю. Покручина
E.G. Ozerova, M.Y. Pokruchina**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: ozerova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности концепта «Радость» на материале прозаических текстов Н.С. Лескова, И.С. Тургенева и И.А. Бунина. Концепт понимается в качестве многомерного лингвоментального образования, реализованного в знаковой форме с высокой семиотической плотностью, обладающего структурной и смысловой многослойностью и этнокультурной спецификой. Семантическое поле концептов репрезентирует множество разнообразных смыслов, процесс формирования лексико-семантического наполнения лингвокультурного концепта «Радость» обусловлен не только общекультурными ценностями, но и национально-культурной спецификой языка.

The article discusses the features of the concept "Joy" on the material of prose texts by Leskov, Turgenev and Bunin. The concept is understood as a multidimensional linguistic and mental phenomenon, implemented in symbolic form with high semiotic density with structural and semantic layers and ethno-cultural specificity. The semantic field of concepts represents a variety of meanings, the process of formation of lexical-semantic content of a linguistic-cultural concept of "Joy" due to General cultural values and national-cultural specificity of language.

Ключевые слова: концепт, радость, ментальность, этнокультурная специфика, аксиологические культурные маркеры, семантическое поле.

Key words: concept, joy, mentality, ethno-cultural specificity, cultural axiological markers of the semantic field.

Введение

В качестве предмета исследования выступают лингвокультурные механизмы порождения и восприятия концепта «Радость», вербализующиеся эмотивными лексемами.

Понятие «концепт» в современной лингвистике не имеет единого толкования, это некий лингвосоциальный конструкт, о вопросах архитектоники, классификации, типологии, вербализации и методов изучения которого дискутируют многие исследователи.

В качестве логико-лингвистической категории, которая создает мост, связующий мир конкретных понятий и абстрактные категории, рассматривает концепт П. Абеляр и подчёркивает, что это сущность предельно субъективного характера, ориентированная на адресата [1].

В работах Э. Сепира [2] идёт речь о концепте как о некой «капсуле мысли», которая содержит (и, возможно, генерирует) в конденсированном виде все возможные переживания и опыт человека.

В российской лингвистике в качестве языковедческого термина данный феномен впервые употребляется в научной статье «Слово и концепт», опубликованной в 1928 г. в журнале «Русская речь» С.А. Аскольдовым. Автор рассуждает о природе концепта, репрезентирует заместительную функцию этого феномена и определяет его в качестве «мысленного образования, замещающего в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3].

В современной лингвистике существует три основных подхода к пониманию термина «концепт», они основываются на положении о том, что концепт номинирует содержание понятия.

Во-первых, это когнитивно-семиологический подход Ю.С. Степанова, согласно которому изучаются «не разнородные языковые средства, реализующие один и тот же концепт, но именно отдельные концепты» [4]. При данном подходе язык рассматривается в качестве вспомогательного средства, роль которого второстепенна, так как он «форма оязыковления существующего сгустка культуры, концепта» [5].

Во-вторых, это когнитивно-семантический подход, которого придерживаются Н.Д. Арутюнова [6] и Н.Ф. Алефиренко [7]. Концепт, таким образом, – это единица семантики, совмещающая в себе память и воображение и, в конечном итоге, обладающая этнокультурно обусловленным смысловым содержанием, в основе которого лежит определенное понятие.

Согласно третьему подходу, концепт – это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [8, с. 90].

Для нас особый интерес представляет архитектура концепта как структурно-смыслового образования, так как знание структурных компонентов концепта способствует выявлению его сущности.

Лингвокультурный концепт будет отличаться от термина «концепт», используемого в когнитивной лингвистике. Так, когнитивному концепту, как правило, соответствует одна языковая единица, лингвокультурный же концепт обладает таким свойством, как полиапеллируемость, так как он репрезентируется с помощью целого ряда единиц языка и речи.

Концепт «Радость» обычно относят к эмотивным, репрезентирующим эмоции и чувства, что обусловило особый подход к нему, который предполагает интегративное исследование данной проблемы как с точки зрения когнитивной лингвистики, так и лингвокультурологии. Эмотивный смысл концепта «Радость» является универсальным, однако в лингвокультурной репрезентации отличается лексической представленностью, степенью глубины и конкретизации, изменчивостью на разных этапах функционирования. Таким образом, следует говорить об эмотивном смысле концепта «Радость» как репрезентанте ментальной идентификации текста.

Основная часть

Радость – универсальное чувство, которое способен испытывать любой человек независимо от его национальности и культуры. По мнению Ю.С. Степанова [4], несмотря на столь широкую интерпретацию значения, радость в языке описана недостаточно, чрезвычайно мало. Возможно, это связано с её неуловимостью, сложностью описания. Некоторые исследования по данному концепту были проведены А.Б. Пеньковским [9], однако он исследовал концепт «Радость» в оппозиции с концептом «Удовольствие», в то время как мы зачастую в текстах прозы замечаем их сходство и взаимообусловленность. Ю.С. Степанов эксплицирует два самых общих признака радости:

1) «это есть внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия» [4]. Например: *Но с какой радостью встретились они, когда услышали скрип проезжей телеги! Земляк! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лет. Разбурженные говором, подымались с земли и другие и, застенчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телеги проезжего, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самого света...* (И.А. Бунин «На край света»). Когнитивная репрезентация чувства радости возникает, когда происходит встреча земляка, однако это ощущение внутреннее, его стараются не проявлять внешне, это тихая, застенчивая радость, эксплицирующая внутреннее чувство;

2) «имя радости, то есть само слово *радость*» [4]. Например: *Глафира! – позвал Горданов. Ответа не было. – Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мне услышать твое слово! – Радость твоя не Глафира. – Нет? Что ты сказала? Разве не ты моя радость?* (Н.С. Лесков «На ножах»). В данном контексте словосочетание «радость моя» является ласковым обращением Горданова к Глафире и отражает его доброе отношение к ней.

Вопрос о ментальных особенностях концепта «Радость» в русской лингвокультуре недостаточно полно освещен исследователями, но часто встречается в русской религиозной жизни. Например: *Перистые облака, порою солнце, синие клоки луж... В доме напротив нас молебствие, **принесли икону «Нечаянной Радости»**, поют священники. Очень странно кажется это теперь. И очень трогательно. Многие плакали* (И.А. Бунин «Окаянные дни»). В данном контексте говорится об иконе «Нечаянная Радость», которая является символом прощения и избавления от греха, несет людям чувства родства, человечности, святости, так характерные для русского характера и русской ментальности.

В прозаических текстах Древней Руси встречаем оппозицию: радостное (связанное с небесным) – печальное (связанное с мирским). Эта же оппозиция будет сохраняться и в прозаических художественных текстах, например, в творчестве И.А. Бунина: *Жизнь только в жизни духа, а не в жизни тела. Плод же духа – любовь, радость, мир, милосердие, вера, кротость, воздержание... Это повторяли людям все великие учителя человечества, начиная с Будды...* (И.А. Бунин «На даче»). Отметим, что духовность является одной из основных черт идиостиля Бунина, и как раз радость он относит к плодам духа, связанного с божественным, небесным. В один смысловой ряд ставятся любовь,

жизнь, вера, милосердие, кротость, воздержание – все постулаты жизни по Священному писанию. В.В. Колесов обращает внимание на то, что в древнерусских текстах радость представлена как благодать, исходящая от Бога [10]. Возможно, именно с этим связано отсутствие чёткого толкования радости в русской лингвокультуре: земная жизнь для людей знакома и проста, в то время как небесная непостижима: *Сердце тихо говорило мне, что я совершаю в эту минуту великий грех – лишаю тебя счастья, радости... Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей* (И.А. Бунин «Цифры»). В данном контексте эксплицируются мысли и чувства героя, когда он отказывает ребёнку в радости, которые репрезентируются во внутренней речи, при помощи которой, по утверждению Л.С. Выготского [11], происходит обогащение слов смыслом и преобладание смысла над значением достигает предела. Объясняется это двумя факторами. Во-первых, согласно учению А.Р. Лурия, «...мысленная речь навевается моментами разного рода раздумий...», во-вторых, внутренняя речь является, как видим, речью «для себя» и «про себя», в то время как внешняя (озвученная) – это речь для других [12].

Мы считаем, что концепт «Радость» является именно лингвокультурным, так как это мировоззренчески ориентированная смысловая единица, которая культурно маркирована, является продуктом коллективного мышления, хранится в сознании языковой личности и объективируется рядом средств языка.

Рассмотрим, что же выступает в качестве аксиологических культурных маркеров концепта «Радость». Полагаем, что это, во-первых, многообразие лексем, которые репрезентируют концепт в языке, и их частотность. Для выделения лексических единиц, репрезентирующих концепт «Радость», мы использовали ряд синонимических словарей: «Словарь синонимов русского языка», «Новый объяснительный словарь», «Словарь синонимов русского языка» и др., – что позволило говорить о такой синонимической группе, как радость, восторг, отрада, радостность, веселье, развлечение, удовольствие, праздничное настроение, жизнерадостность, ликование, забава, торжество, эйфория, услада и др. Следует обратить внимание на разнообразие лексем, среди которых встречаются существующие в системе языка ещё древнейшего периода (услада, забава, радость), современные (жизнерадостность) и заимствованные (эйфория).

Обратившись к художественным текстам И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и И.А. Бунина, заметим, что в них также концепт «Радость» встречается довольно частотно:

– в прозе И.С. Тургенева *радость* имеет 116 употреблений, *рад* – 163 употребления, *радостный*, *радостная* – 66 употреблений, *радовать/радоваться* – 85 употреблений;

– в прозе Н.С. Лескова: *радость* – 167 употреблений; *рад* – 146 употреблений, *радостный/-ая* – 61 пример употребления, *радовать/радоваться* – 112 употреблений;

– в прозе И.А. Бунина: *радость* – 189 употреблений, *рад* – 47 употреблений, *радостный /-ая* – 128 употреблений, *радовать/ радоваться* – 67 употреблений, также нами зафиксированы варианты сложных слов *радостно-хищный*, *радостно-безумный*, *блаженно-радостный*, *радостно-шаловой*, *радостно-жуткий*, *грустно-радостный*.

Во-вторых, это наличие ментальной обусловленности концепта. Ментальность, согласно философской энциклопедии, – «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы. Менталитет – это или «склад ума» (от фр. mentalite), или социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. В монографии «Дискурс, культура, ментальность» рассматриваемый термин понимается как «когнитивно-культурная характеристика, определяющая функциональную способность общества создавать и накапливать интеллектуальный опыт» [13]. Заметим, что ментальность бессознательна, она эмпирически понимается и поведенчески реализуется, но не имеет чёткой формулировки, дефиниции.

Ментальная обусловленность концепта «Радость» проявляется, когда контекстуально указывает на связь с миром небесным, находится в русле православных традиций: *Она возносит в этот день прекрасную и полную глубокого смысла молитву: – Все рабы твоя, боже, упокой во дворах твоих и в недрах Авраама, – от Адама даже до днесь послужившая тебе чисто отцы наши, други и сродники! Разве случайно сказано здесь о служении? И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие «с отцы и братии наши, друга и сродники», некогда совершавшими это служение? Среди моих предков было, верно, немало и дурных. Но всё же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства.* (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева»). В данном контексте чувство радости возникает на основе чувства близости с «отцы и братии наши, друга и сродники», чувства святости. Интертекст, аллюзию к прецедентному библейскому тексту можно считать проявлением русского менталитета в идиостиле писателя, его близости к православной культуре. Прецедентные религиозные тексты – это «тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [14]. Для русской ментальности

характерно чувство глубокой веры в Бога, таким образом, прецедентный текст Библии является отражением национальной особенности русского народа, а интертекстуальная ссылка на него в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина выполняет функцию репрезентации культурно-религиозной памяти в тексте.

В-третьих, слово должно иметь активную производящую основу и входить в состав устойчивых идиоматических выражений. В большой лексикографической статье «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [13] зафиксированы следующие значения:

РАДОСТЬ, ж. Веселье, услада, наслаждение, утеха, противополож. скорбь, грусть, горе, печаль и пр. внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая; | самое событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства. Сказать вам радость? т. е. радостную весть. Моя радость, утеха моя, что или кого люблю, чему или кому радуюсь, утешаюсь, улаждаюсь.

Также в прозаических текстах встречаем устойчивые сочетания с лексемами, эксплицирующими концепт «Радость». Ниже приводятся некоторые из них.

Бог дал беспримерный талант, необыкновенные умственные силы, и человек сам это прекрасно знает. Казалось бы, что еще нужно? Главный труд всей жизни, главная ее цель – использовать на великую радость ближнего своего только это – талант и ум» (И.А. Бунин «Освобождение Толстого»); *Храни Вас Бог на радость нашу и укрепление изнемогающего духа* (Н.С. Лесков «Письма Л.Н. Толстому»). Следует отметить, что в ряде контекстов И.А. Бунина и Н.С. Лескова устойчивые сочетания с лексемой *Радость* – интертекст к прецедентным библейским текстам, таким образом, можно утверждать, что у этих авторов ментальность тесно связана с Верой, святостью.

В-четвертых, это «семантическая нагруженность» концепта, тот комплекс смыслов и значений, который он несёт в себе. Так, концепт «Радость» в прозаических текстах Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, И.А. Бунина обладает обширным семантическим полем, включающим разнообразные коннотативные значения: *Ну, а вы тут как свое время провождали? – спрашивает опять жену Зиновий Борисыч. – Наши радости-то, чай, всякому известны: по балам не ездим и по театрам столько ж. – А словно радости-то у вас и к мужу немного, – искоса поглядывая, заводил Зиновий Борисыч* (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»). В данном контексте *радость* приобретает коннотативное значение контекстного синонима любви, которую героиня не чувствует к мужу, что он и предполагает, но, задавая наводящие вопросы, хочет точно знать. *Ну так что же!.. Значит, всё как следует быть... всё прекрасно... Со временем... если вам откроется, в чём состоит жизнь, и вы захотите жить самым лучшим образом, то есть жить так, чтобы духи злобы вас гнали, – то вы тогда будете это понимать... Когда они гонят – это прекрасно, это радость... это счастье!* (Н.С. Лесков «Томление духа»). В данном контексте наблюдается грация, доминантной вершиной которой достигается радость, которая репрезентирует счастье как состояние абсолютного довольства и гармонии человека с миром.

Скажи, пожалуйста, – пиццит опять, плачущи, воительница, – жаль ли хоть тебе меня, дуру неповиту? – Очень, – отвечаю, – жаль. – А людям ведь небось и не жаль, смех им небось только. И всякий, если кто когда-нибудь про эту историю узнает, посмеется – непременно посмеется, а не пожалеет, – а я все люблю, и все без радости, и все без счастья без всякого. Бог с ними, люди! не понять им, какая это беда, если прилучится такое над человеком не ко времени. Ходила я к сталоверу, – говорит: «Это тебе аггел сатаны дан в плоть...» (Н.С. Лесков «Воительница»). В данном контексте эксплицируется антиномия *Любовь – Радость*, далее в тексте говорится, что любовь – радость, только если она *ко времени*. Любовь репрезентируется как безрадостное, тяжелое чувство, так как оно не взаимно в данное время. Используется также темпоральная характеристика чувства любви, говорится, что любовь должна возникать в нужное время, что невозможно, так как возникновение чувства любви никак не зависит от времени и желания человека, это спонтанный процесс, обладающий иными предпосылками.

Мардарий Аполлоныч, по обыкновению, чрезвычайно ласково меня принял: он непритворно радовался каждому гостю, да и человек он был вообще предобрый (И.С. Тургенев «Два помещика»). В контексте подчеркивается искренность такого чувства, как радость, наблюдается синкретизм концептов «Искренность» и «Радость» в словосочетании *непритворно радовался*.

Рассказчик помолчал. – В одной трагедии Вольтера, – уныло продолжал он, – какой-то барин радуется тому, что дошёл до крайней границы несчастья. Хотя в судьбе моей нет ничего трагического, но я, признаюсь, извещал нечто в этом роде. Я узнал ядовитые восторги холодного отчаяния; я испытал, как сладко, в течение целого утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и час своего рождения, – я не мог смириться разом (И.С. Тургенев «Гамлет Шигровского уезда»). Автор использует антонимы *радость – несчастье, восторг – отчаяние*, которые в контексте таковыми не являются, крайность границ грусти и отчаяния как раз подчеркивается с помощью лексем, обычно относящихся к семантическому полю *Радости*.

Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-детскою радостью. – Погоди, – шепнул он, снимая со стены

гитару. Сперва он сыграл «Качугу», потом «Марш на бегство Наполеона» и перешел на «Зореньку» (И.А. Бунин «Танька»). В контексте используется довольно необычное сочетание *старчески-детская радость*, по своей внутренней структуре являющееся антиномией, однако в данном контексте её употребление объясняется тем, что герой, беря гитару, вспоминает молодость и погружается в прошлое, детство, но в то же время об этом рассказывает своей внучке, оставаясь её старым дедушкой. В сложном эпитете *старчески-детской радостью* обращает на себя внимание соединение различных «сенсорных предикатов» (термин Дж. Миллс и Р. Кроули). Доминирующее свойство окказионального слова, отклоняющегося от нормы и потому подчеркнуто экспрессивного, заключается в его неразрывной связи с контекстом, образовании вместе с ним единого эстетического целого. Окказиональная лексема возникает как производная разовая лексема, семантика которой раскрывается в конкретном тексте. Эстетический потенциал сложного слова также демонстрируют контексты, содержащие художественный прием антонимии: *старческий – детский*.

Итак, семантическое поле концепта «Радость» эксплицирует разнообразие смыслов, некоторые из которых являются универсальными, характерными для всех людей (счастье, восторг, смех, удовольствие и др.), другие являются индивидуальными (*старчески-детская радость* И.А. Бунина, *ядовитый восторг отчаяния* И.С. Тургенева, *безрадостная любовь не ко времени* Н.С. Лескова), третьи обусловлены национальными и ментальными особенностями. Так, при анализе прозаических текстов Н.С. Лескова и И.А. Бунина нами были замечены следующие характерные черты.

1. Наличие прецедентного библейского текста: *У меня характер письма твердый, – отвечал он и сейчас же добавил: – Вам угодно, чтобы я что-нибудь написал? – Да, потрудитесь. Он сел за мой рабочий стол и через минуту подал мне лист, посередине которого четкою скорописью «твердого характера» было написано: «Жизнь на радость нам дана. – Иван Петров Аквиляльбов (Н.С. Лесков «Белый орел»)*. Строками о необходимости радоваться пронизана вся Библия: и Ветхий завет («*Все дни несчастного печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пир*», «*Не бойся, земля; радуйся и веселись, ибо Господь велик, чтобы совершить это*»), и Новый (апостол Павел: «*Всегда радуйтесь*»). Отметим, что в тексте Библии частотность употребления лексемы *радость* составляет 106 вхождений. Автор использует прецедентный текст, благодаря которому не только эксплицируется культурная память, но и преобразуется смысловое пространство текста, он обретает сакральный характер, становится авторским наставлением всем людям.

2. Духовность: *И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие «с отцы и братии наши, друга и сродники», некогда совершавшими это служение? Исповедовали наши древнейшие пращуры учение «о чистом, непрерывном пути отца всякой жизни», переходящего от смертных родителей к смертным чадам их – жизнью бессмертной, «непрерывной» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева»)*. Герои Н.С. Лескова и И.А. Бунина ощущают неразрывную связь с родиной, её прошлым, настоящим и будущим, историей, своими предками, родственниками, что эксплицируется в текстах. Особенно сильно чувство Родины, близости к ней, тоски по Родине проявляется в творчестве И.А. Бунина, что связано не только с особенностями его жизни, но также и с детством, так как духовность берёт начало именно в том мире, который окружал писателя в детские годы.

На основе фактов языковой репрезентации концепта «Радость» можно выявить следующее: 1) *Радость* входит в группу концептов, отражающих чувства и эмоции человека, показывающих его поведенческие реакции, вызванные как социальными, так и индивидуальными предпосылками; 2) *Радость* интернациональна, это универсальное чувство, которое номинируется и графически отображается в разных языках по-разному.

Обращаясь к этимологии русского корня «рад», можем предположить его связь с концепциями любви и свободы как источника счастья. В этимологическом словаре М. Фасмера «рад, рада, радо» понимается как охотный, то есть добровольный, совершающий что-либо по свободной воле; в то же самое время внутренняя форма краткого прилагательного позволяет определить его как «готовый к благодетанию»[4, с. 309]. В русский язык слово «радость» пришло из старославянского, в котором оно относилось к пласту древнейшей лексики, однако с течением времени в русской лингвокультуре приобрело также национальные, обусловленные именно русским менталитетом характеристики: во-первых, это контекстуальная связь с миром небесным, духовным. Радость – это проявление духа, чувство, которое человек не может объяснить и понять, определить его границы; во-вторых, это искренность в проявлении чувства, вне зависимости от желания утаить его или же поделиться радостью с окружающими, что довольно часто подчёркивается в художественных текстах: «*...мы позволили бы себе выразить искреннейшую радость, если бы объявленный турнир по какому-нибудь счастливому случаю отменился*». (Н.С. Лесков «Русские общественные заметки»). Русский человек проявляет радость абсолютно искренне, он не может притворяться, каков бы ни был повод этой радости.

Семантика слова *радость* с трудом поддается концептуальному анализу, так у него отсутствуют собственные, характерные только для него, семантические признаки, описать его возможно только в соотношении со смежными концептами и только на основе ряда черт, характерных для многих мотивных концептов. Таким образом, мы полагаем, что к ядерной зоне концепта «Радость» можно

относить также синонимичные лексемы, являющиеся именами смежных концептов: «Веселье», «Торжество», «Счастье», «Удовольствие», «Ликование», – которые могут иметь как полностью совпадающее значение, так и значение с иной коннотацией. Например: *Яков наслаждался своей победой, как дитя; всё его лицо преобразилось; особенно его глаза так и засияли **счастьем*** (И.С. Тургенев, «Певцы»). Здесь лексема *счастье* полностью взаимозаменяема лексемой *радость*, их денотативное и коннотативное значения идентичны. *Когда они гонят – это прекрасно, это радость... это счастье!»* (Н.С. Лесков, «Томление духа»). В этом контексте представлена семантическая градация: счастье выше, чем радость, это состояние полной гармонии, оно больше, чем просто чувство, ощущение. Счастье отличается от радости интенсивностью ощущений, по мнению Лейбница, счастье есть состояние устойчивой радости, [16, с. 419], Фромм же считает, что радость и счастье отличаются по признаку единичности/постоянства: радость – переживание единичного факта, в то время как счастье – постоянное и нераздельное переживание радости [17, с. 147].

Концепт «Радость» репрезентирует особый перцептивный образ, наглядно-чувственное представление, а также комбинацию концептуальных метафор. Мы будем использовать наиболее общий подход к понятию концептуальной метафоры и рассматривать её как видение одного объекта через другой. Мы структурировали образное поле радости и на основе исследованных прозаических текстов выделили следующие категории: *образы природы, духовность, интеллект, внешность, действия, время, чувства, ощущения*. На основе проведённого анализа нами были составлены диаграммы (1-3), содержащие статистические данные частотности словоупотребления категорий *Образы природы, Духовность, Интеллект, Внешность, Действия, Время, Чувства, Ощущения* в прозаических текстах И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Бунина. Они представлены ниже.

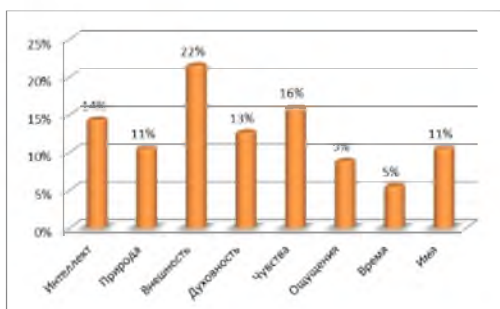

Диаграмма 2. Репрезентация концепта «Радость» в художественных текстах Н.С. Лескова

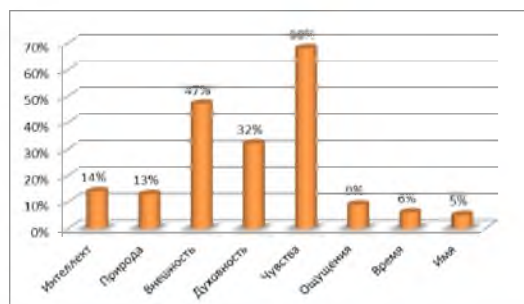

Диаграмма 1. Репрезентация концепта «Радость» в художественных текстах И.С. Тургенева

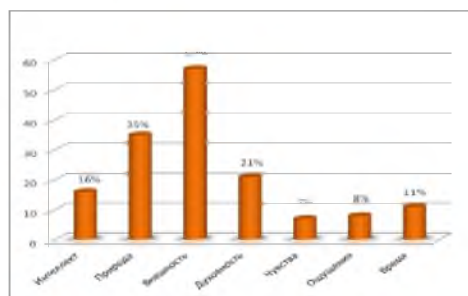

Диаграмма 3. Репрезентация концепта «Радость» в художественных текстах И.А. Бунина

На основе сравнения нами были получены следующие выводы: а) концепт «Радость» репрезентируется в прозе И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и И.А. Бунина во взаимодействии с концептами «Природа», «Внешность», «Интеллект», «Духовность», «Чувства», «Время», «Ощущения» и эксплицируется с помощью субконцептов, включающих дополнительные коннотативные значения; б) наиболее частотные образные характеристики концепта «Радость» относятся к категориям *Чувства, Внешность, Образы природы*.

Заключение

Изучив структуру лингвокультурного концепта «Радость» и особенности его репрезентации в прозаических текстах И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и И.А. Бунина, мы пришли к следующим выводам:

1) вопрос о ментальных особенностях концепта «Радость» в русской лингвокультуре слабо освещён исследователями, но часто встречается в русской религиозной картине мира, где репрезентируется оппозиция «радостное – печальное»;

2) концепт «Радость» обладает рядом аксиологических культурных маркеров, таких как многообразие лексем и их частотность; ментальная обусловленность, наличие активной производящей основы и устойчивых идиоматических выражений, «семантическая нагруженность»;

3) семантическое поле концепта «Радость» репрезентирует разнообразие смыслов, одни из которых являются универсальными, другие – индивидуальными, третьи обусловлены национальными и ментальными особенностями.

Так как концепт «Радость» является не только универсальным, но также зависит от окружающей природной и социальной среды, исторического прошлого нации, в языке которой он существует, можно говорить о его особом культурологическом статусе. Таким образом, концепт «Радость» способен отражать ментально обусловленную картину мира и выступать в качестве идентификатора национального характера.

Список литературы

1. Неретина С.С. Абеляр и Петрарка: пути самопознания личности (текстологический анализ) / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 134-160.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Изд. группа «Прогресс»: «Университет», 1993. – 655 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология; под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 259 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
8. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
9. Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 1991. – С. 379.
10. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Книга 3: Бытие и быт / В.В. Колесов. – СПб., 1990. – 480 с.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 189 с.
13. Олешков М.Ю. Дискурс, культура, ментальность: монография / отв. ред. М.Ю. Олешков // Серия «Язык и дискурс». – Вып. 3. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. – 526 с.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
15. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М., 1999. – Т 1. – 779 с. Эл. ресурс / Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/>
16. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. / ред. и сост., вступ. ст. и примеч. Г.Г. Майорова и А.Л. Субботина. – Т. 1. – М.: Мысль, 1983-1989. – 636 с.
17. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 414 с.